

АЛИСА ЦВЕТКОВА

Школа верховой езды

СЧАСТЛИВЫЙ
БИЛЕТИК

Алиса Цветкова
СЧАСТЛИВЫЙ билетик
Серия «Школа верховой езды»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74035167

*Счастливы́й билетик:
ISBN 978-5-17-184813-2*

Аннотация

У Алёны уже был шанс заняться верховой ездой, но всё пошло наперекосяк. Мама скептически причитала: «Куда такой малышке в седло?» Сестра Вера, попавшая в секцию, задира́ла нос. Алёне оставалось только рисовать лошадок в тетради и мечтать. Надеюсь, что интерес сестры поутихнет, Вера соглашается помочь ей в маленькой затее. Вместе с сестрой и новой подругой Яной Алёна отправляется на весенний интенсив на ипподром, чтобы попробовать получить свой счастливый билетик в мечту.

Содержание

Пролог	5
1	7
2	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Алиса Цветкова

СЧАСТЛИВЫЙ билетик

© Алиса Цветкова, текст

© В оформлении использованы материалы по лицензии

© shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Пролог

Эта история случилась в те времена, что теперь кажутся почти былинными. Времена, пахнувшие резиной от «Икарусов»¹, горелым кофе из автоматов и свежееотпечатанными газетами. По улицам тогда неторопливо ползали желтые автобусы, школьницы бегали в одинаковой черной форме с белыми фартуками, а чтобы позвонить родным с улицы, требовался таксофон.

Тогда ребята пропадали во дворах с утра до вечера, играя в казаки-разбойники или строя штабы в кустах, и не торопились домой. А их мечты жили в потрепанных библиотечных книгах, в треске виниловых пластинок и в размытом изображении телевизора.

Любая пионерка знала: чтобы исполнить мечту, нужно объединить старание и каплю везения. И если первого у нее было в избытке, то со вторым приходилось сложнее.

У какого кондуктора в автобусе можно раздобыть счастливый билет с заветными числами? В каком палисаднике отыщется куст сирени с цветком о пяти лепестках, исполняющим желания? Заранее не узнаешь, но удача на то и удача, чтобы приходить внезапно, в самый неожиданный момент. И быть может, где-то уже ждет тот самый единственный счаст-

¹ Знаменитые автобусы венгерской компании «Икарус», массово использовавшиеся в СССР. – Прим. ред.

ливый билетик.

1

Осень

– ...А сейчас давайте все дружно посмотрим на карту! Внимание на условные обозначения! Полезные ископаемые... Петрова! Не спи! Понимаю, погода, но уснуть на уроке – это слишком!

Пронзительный голос Нины Ивановны, учительницы географии, разрезал дремотную тишину класса. Как будто в унисон ее словам за широким окном пророкотал глухой, протяжный раскат грома. Даже зазвенели стекла в рамах. Еще с самого утра свинцово-сизые тяжелые тучи неспешно заволокли небо, и пришлось включить все люминесцентные лампы, отчего лица учеников приобрели болезненный зеленоватый оттенок. Убаюкивающая капель усилилась, перейдя в настойчивый барабанный бой по стеклам. Школьники невольно поежились от сквозняка – холод пришел этой осенью рано, едва успев порадовать коротким бабьим летом. В полутьме, закутавшись в свитеры, под монотонный аккомпанемент дождя даже самые прилежные ученики седьмого «А» впадали в сладкую полудрему.

– Да чего я одна-то? – возмутилась, вскакивая, худощавая Петрова с предпоследней парты. Ее громкий, визгливый возглас пробудил класс, и ученики недовольно заерзали, обра-

чиваясь. – А... Серова вообще рисует. Опять своих коней. Тоже мне, художница-передвижница²!

«Художницу», соседку долговязой Петровой, звали Алёна Серова, и девочка отчаянно не хотела привлекать к себе лишнего внимания. Особенно сейчас, когда ее мысли витали где-то очень далеко от скучных условных обозначений. Смотрела она вовсе не на огромную карту, закрепленную магнитиками на грифельной доске, а гораздо выше.

Прямо над доской висела удивительно красивая репродукция – золотистое поле пшеницы под безоблачным лазурным небом. Та самая теплая, ласковая и щедрая осень, которой в этом году так и не удалось насладиться. Среди этих нарисованных бескрайних просторов и представляла себя Алёна: верхом на соловой³ лошади, такой же ослепительно-золотой, как спелые колосья. С белоснежной шелковистой гривой, развевающейся на ветру.

Даже не поднимая глаз, Алёна выводила на последней странице тетради в клеточку знакомый силуэт, который рисовала уже тысячу раз.

Но теперь Алёну Серову резко вернули в реальность: парта, скучный урок, круглый циферблат часов над входом в класс, неумолимо отсчитывающий секунды, а за окном –

² Художники-передвижники возили свои картины из столиц в провинциальные города России и устраивали там передвижные выставки, чтобы сделать искусство доступным для широкой публики. – Прим. ред.

³ Масть лошади, которой присущ желтоватый окрас с более светлым хвостом и гривой. – Прим. ред.

гипнотизирующий, монотонный стук дождя.

– Серова? – повторила учительница, и в ее голосе зазвела сталь.

Алёна вздрогнула, словно ее окатили ледяной водой, и растерянно заозиралась. Одного взгляда на лица одноклассников хватило, чтобы осознать: ее рисунки привлекли куда больше внимания, чем хотелось.

– У нее, видимо, вместо географии урок рисования, – ехидно вставила Петрова, растягивая широкий рот в самодовольной ухмылке.

Алёна прикрыла тетрадь ладонью, словно секретный документ. Заметив ее жест, одноклассники – включая саму Петрову, только что пойманную на дремоте, – тихонько загоготали. Но стоило учительнице с грохотом отодвинуть стул, как в классе вновь воцарилась тишина. С Ниной Ивановной связываться не хотели и самые отчаянные хулиганы. Даже «камчатские» парни прикусили язык.

Петрова открыла было рот, но тут же захлопнула.

«Ага, хочет, небось, «перевести стрелки» и выйти сухой из воды. Она же «отличница и спортсменка», как минимум в собственном воображении, и готова на все, лишь бы не потерять статус», – подумала Алёна, меряя соседку взглядом. Высоченная, костлявая, с вечно удивленно выпученными глазами. Она верила, что создана для подиума и сделает карьеру манекенщицы. Алёна же считала, что Петрова создана для карьеры птицы-козодоя. В учебнике географии на

третьей странице как раз был портрет этого «красавца».

«Ну двойник Петровой! – подумала Алёна. – Тоже тощий, пучеглазый и с огромным хищным клювом».

Алёну тоже подмывало поделиться этим наблюдением, чтобы позлить Петрову, но дерзить при Нине Ивановне девочка не решилась. Учительница тем временем объявила:

– Так, записываем домашнее задание! Завтра жду от всех аккуратно подписанные контурные карты! От Петровой и Серовой – в первую очередь! Иначе – жирная двойка в журнал, и не карандашом, а сразу красной ручкой!

Для пущей убедительности учительница поставила две жирные точки в журнале напротив названных фамилий – чтобы не забыть. Седьмой «А» давно усвоил: Нина Ивановна угроз на ветер не бросает.

– Возвращаемся к теме урока! Смотрим на карту внимательно: здесь, на Восточно-Европейской равнине...

– Стукачка ябедническая, – сквозь сомкнутые зубы процедила Алёна, не отрывая пристального взгляда от доски.

– Художница бездарная, – так же тихо, но ядовито фыркнула Петрова. – Тетради портишь. Лучше бы делом занялась. На географии – рисуешь, на физкультуре – едва ноги переставляешь, как сонная муха...

Петрова не успела развить свою мысль, так как поймала на себе уничтожающий ледяной взгляд Нины Ивановны. Алёне отчаянно хотелось парировать, что лучше уж портить тетради, чем жизнь окружающим, но риск получить двойку и по-

следующий разбор полетов на классном часе был слишком велик.

Нарываться не стоило – конец первой четверти не за горами. А Петрова, если ее хорошенько задеть, наверняка поднимет шум. Нина Ивановна взорвется гневной тирадой, а потом их полчаса будут «прорабатывать» на общем собрании.

«Нет уж, дудки!» – устало подумала Алёна и, сделав вид, что очень заинтересовалась картой, осторожно перелистнула страницу, пряча рисунок. Вполне симпатичный, между прочим, конь получился. Живой.

«Теперь даже рисовать нельзя, – с тоской подумала она, вполуха слушая разглагольствования учительницы о месторождениях каменного угля. – На конюшню не пускают, на ипподром не возят. Помечтать, и то запрещено. Почему в моей жизни сплошная несправедливость?»

Экономическая география казалась Алёне бесконечно скучной и далекой. Взгляд так и норовил соскользнуть вверх, к заветной картине с золотыми полями, но Алёна строго-настрого запретила себе смотреть туда. Чтобы окончательно не задремать, она уставилась в окно – и увидела фасад своего дома.

Новенькая шестнадцатизэтажка светло-голубого цвета с просторными застекленными лоджиями горделиво возвышалась прямо напротив школы. В их квартире кто-то зажег свет. Не иначе как Верка, старшая сестра, уже вернулась из школы.

«Везет же некоторым, – с горькой тоской вздохнула Алёна. – Сейчас пообедаёт спокойно и поедет на занятия в конюшню, к своим лошадам». Она живо представила, как сестра наспех закидывает в себя котлету с макаронами, переодевается в потрёпанную, пахнущую сеном форму и спешит на автобусную остановку.

А ведь Алёнка тоже могла бы сейчас кататься, если бы не... Ох, этот дурацкий, нелепый случай, перевернувший все с ног на голову.

Верке достаточно было один раз попроситься «к лошадкам», и её тут же записали, а Алёне родители категорически запретили верховую езду. И нет, никакого злого умысла у них не было. Наоборот, они всегда искренне хотели сделать как лучше для обеих дочерей. Просто Алёна в свои нежные годы не была ангелом... как, впрочем, и её старшая сестра.

Алёнка с ранних лет бегала хвостиком за Верой, бездумно все за ней повторяя и не отликая ни на шаг. Уж очень она восхищалась самостоятельной и немного загадочной сестрой, а порой – тайно и горько завидовала. Нет, не вещам или игрушкам – девочкам покупали все абсолютно одинаковое, дабы ни в коем случае не обидеть. Но было кое-что, чего нельзя было достать ни в «Детском мире», ни в комиссионке: подружки, интересные, «взрослые» игры во дворе, секреты, шепотом рассказанные на ушко, секции... Но поспевать за сестрой было так тяжело! А Вера и её подруги откровенно скучали в компании повторяшки-Алёнки и убегали от нее в

самые потаенные уголки двора.

Однажды Вера запросилась в театральный кружок при Доме пионеров. Родители недолго думая записали туда обеих сестер, для компании и чтобы младшая не чувствовала себя обделенной.

Но первое же занятие прошло из рук вон плохо. Вместо выступления на сцене они слушали скучную лекцию. Активная и непоседливая Алёна устала, расшалилась, и стоило преподавательнице ненадолго выйти из класса, как она затеяла с другими детьми игру в салочки. Закончилось все быстро и шумно: Алёнку, как заводилу, выставили за дверь до конца занятия.

«Баловались, главное, все, а стояла в коридоре и краснела только я одна, – с обидой и грустью вспомнила Алёна. – Да и разве театральный кружок – это нудные лекции?»

Когда родители пришли забирать дочек, Вера вышла из класса пунцовая от злости и громогласно, на весь холл, объявила, что «Алёнка ее навеки опозорила перед всей студией, так что на эти занятия она больше ни ногой». Алёна же стояла, вжавшись в стену, красная как рак, боясь поднять глаза на родителей.

Так и закончилась история с театральным кружком, но уже вскоре началась новая: родители записали девочек в изостудию.

Алёна и там умудрилась навести шума, решив попробовать виноград, который все пытались нарисовать. Он оказал-

ся муляжом из папье-маше и заодно частью какого-то там «натюрморта», Алёна тогда не знала, что это за слово. Она только поняла, что трогать виноград было строжайше запрещено.

Учитель ее, конечно, отругал, и Верка, едва занятие закончилось, вновь вылетела из класса, словно ураган, вся багровая от негодования, и сообщила маме и папе, что «Алёнка опять все испортила своим дурацким поведением! Ходить с ней на занятия я больше не буду! Ни за что!».

Потом по просьбе Веры был кружок кройки и шитья, откуда с громким скандалом выставили уже обеих сестер, потому что в этот раз обиженная Алёна мешала Вере нарочно, и в итоге родителям стало ясно – дальше так продолжаться не может.

Правило «ни одного кружка вместе!» торжественно объявили девочкам за вечерним чаем и предложили каждой выбрать себе отдельное занятие по душе.

Сестры, измотанные войной, наконец заключили хрупкое перемирие, и чтобы закрепить успех, в ближайшие выходные родители повезли их в Парк Горького, где и случилось то досадное недоразумение, отрезавшее Алёне путь к лошадям.

Сама прогулка поначалу была совсем не примечательной: Алёна и Вера демонстративно шли, глядя в разные стороны, не произнося ни слова. Но тут на одной из аллей, усыпанной желтыми листьями, появились две ухоженные грациозные лошадки белоснежной масти. Сестры, словно по коман-

де, замерли, завороженно глядя на пушистые гривы и сероватую в яблоках, переливающуюся на солнце шерстку.

– Ах, какие они красивые! – в один голос выдохнули девочки. Родители, пораженные таким единодушием сестер, даже замерли и с удивлением переглянулись.

– Мамочка, а можно мы подойдем посмотрим поближе? – почти умоляюще, не свойственным ей мягким голосом попросила Вера.

– Папочка, пожалуйста, ну пожалуйста! – взмолилась и Алёна, подпрыгивая на месте.

Родители, обрадованные редкой солидарностью дочек, без лишних слов повели их к лошадям. Конечно, одним «посмотреть» дело не ограничилось – обе тут же загорелись желанием прокатиться верхом.

Мама с папой возражать не стали, благо хозяйки лошадей оказались милыми, приветливыми женщинами, а сами животные – удивительно спокойными и чистыми.

Вера поехала на круг первая, пока Алёниной терпеливой лошадке по кличке Росинант подгоняли стремяна. Мама и папа тем временем разговорились с хозяйкой – строгой женщиной в теплой безрукавке. Алёна их не слушала, она светила от счастья, впервые в жизни сидя в настоящем, пусть и потрепанном кожаном седле.

Ее повели кататься чуть позже Веры, и это обстоятельство сыграло с Алёной злую шутку. Пока ее неспешно катали по тенистым, почти пустынным аллеям, где она, забыв обо

всем на свете, украдкой поглаживала шелковистую шерстку на могучей шее Росинанта, Вера успела вернуться со своего круга. Она была в таком же неописуемом восторге, как и младшая сестра, а хозяйка, видя неподдельный интерес девочек, охотно и подробно рассказала их родителям о существовании детской секции верховой езды при одной из московских конюшен.

Вере тут же пообещали записать ее на пробное занятие, а когда вернулась Алёна и попросила то же самое, то получила в ответ напоминание о новом правиле: «Больше ни одного кружка вместе!» И как бы она ни просила, в этот раз родители проявили негибкую твердость, искренне веря, что это пойдет девочкам во благо.

Так Алёна вернулась в изостудию, а Веру отправили в школу верховой езды. И казалось, что шансов это изменить нет. Родители стояли на своем, а Алёне только и оставалось, что рисовать в тетрадках лошадей и тихо, про себя, мечтать.

Стрелки часов наконец-то доползли до заветной цифры. Коридор огласил долгожданный пронзительный звонок с последнего урока. Нина Ивановна, к всеобщей радости, не стала никого задерживать – стоило ей произнести: «Урок окончен», как ребята вскочили со своих мест, словно ошпаренные, и, громко стуча откидными крышками парт, начали спешно запихивать учебники и тетради в ранцы.

– Ну что, дорисовалась, художница? – фыркнула напоследок соседка.

– Я хоть и рисую, а на всех подряд не стукачу, – резонно, уже смелее, заметила Алёна.

Петрова невнятно буркнула что-то вроде «зато у меня по всем предметам, даже по физре, одни пятерки!», и, прежде чем скрыться в коридорной толчее, бросила через плечо:

– Вот сестра-то у тебя молодец, а ты...

Алёна лишь пожала плечами, медленно, будто нехотя, убрала книги с тетрадями в ранец, тоскливо глянула в запотевшее от дождя окно и поплелась домой. Там ее уже должна была ждать бабушка с теплыми плюшками.

Осенний дождь за окном и не думал утихать. Алёна неторопливо вышла из школы под низкий бетонный козырек и тоскливо оглядела серую улицу и бесконечные лужи. До ее дома, того самого светло-голубого, казалось, было рукой подать, вот только напрямую пройти не выйдет – на пути стоял глухой забор.

– Ну что ж, ладно, делать нечего, – пробормотала Алёна, подняла ранец над головой вместо зонта и пошла вперед, стараясь обходить глубокие лужи. Выйдя с территории школы, она ускорила шаг и довольно быстро свернула с асфальтированной дороги на утопанную сотнями ног узкую земляную тропку, петляющую между деревьев. Несмотря на то что Алёнка с семьей жила недалеко от центра, их район был сравнительно новым, утопающим в зелени, почти как дачный поселок.

Прикрытая густыми, переплетенными друг с другом кро-

нами деревьев, дорожка осталась почти сухой. Девочка замедлила шаг. Она представила, как здорово было бы проехаться сейчас по этому зеленому коридору на спине лошадки. Той самой, золотисто-соловой, что она рисовала на скучном уроке.

«Да, это было бы просто чудесно, – мечтательно подумала Алёна. – И никакой дождь мне был бы тогда не страшен. Сидела бы высоко-высоко в седле... Как же жаль, что это всего лишь глупые несбыточные мечты».

И на короткое, но очень острое мгновение Алёну охватила самая настоящая тоска. Неужели ее заветная мечта так и останется просто картинкой на полях школьной тетради?

«Вот бы мне хоть капельку повезло, хоть чуть-чуть, – зажмурилась Алёна, чувствуя, как к горлу подступает предательский ком. – Если бы я тогда, в парке, поехала кататься первой... кто знает. Может, это я бы сегодня собиралась на конюшню, а не Вера». Она с силой тряхнула головой, как бы отгоняя назойливую мысль. «Нет, думать об этом бесполезно».

Наконец, промокшая и уставшая, Алёна добралась до своего подъезда и, поднявшись на этаж, с удивлением обнаружила, что дверь в квартиру не заперта. «Это что за сюрприз?» – мелькнуло в голове.

– Бабуль, я дома... – громко, как полагается, сообщила девочка, ставя на деревянную галошницу свой отяжелевший от влаги ранец.

Но бабушки нигде не было видно, зато из прихожей в ванную с шумом пронеслась Вера и с размаху захлопнула за собой дверь. А навстречу Алёне из кухни вышла... мама!

Высокая, строгая, уставшая женщина с аккуратно накрученными короткими волосами.

– Ма? – искренне удивилась Алёна. – А ты здесь откуда? И где бабушка?

– У себя осталась. У нее давление опять подскочило, полгода просто ужасная, – устало потирая виски, ответила мама. – Хорошо, что меня Тамара Сергеевна с работы пораньше отпустила.

– А чего это Вера не на конюшне? – Алёна посмотрела на настенные часы в прихожей. По всем расчетам, сестра уже минут двадцать как должна была находиться в дороге.

– Я это тоже хочу знать, – произнесла мама, и ее голос зазвенел опасными нотами.

– Я забыла! – захныкала Вера из-за двери в ванную, явно подставив ухо к замочной скважине. – Бабушки нет дома, она мне не напомнила вовремя!

– А без бабушки мы уже совсем самостоятельно собраться не в состоянии? – парировала мама, скрестив руки на груди.

– И давно ты дома, мам? – уточнила Алёна, неспешно разуваясь.

– Недавно пришла. Свет в конторе отключили из-за какой-то аварии на подстанции. Кстати, вчера вечером тренер Верин звонил, хотел пообщаться насчет ее успехов. Так что

собираемся и едем.

Вера в ответ лишь издала нечленораздельный обиженный звук. Мама ее передразнила и с раздражением закатила глаза к потолку.

– Алён, чего встала как вкопанная? Быстро переодевайся в сухое.

– Ма-а-ам! – заныла было Вера, но мама уже ничего не хотела слышать.

– Я Алёну одну дома не оставлю. Шевелитесь, девочки! Опаздываем уже. Потом еще к бабушке зайдем – проведем ее.

Алёну не пришлось просить дважды. Скинув промокшие ботинки, девочка юркнула в комнату и кинулась к шкафу – влажная школьная форма полетела на кровать, пионерский галстук – на спинку стула. Алёна не верила своему счастью, от волнения у нее даже похолодели пальцы.

«Неужели... я тоже еду на конюшню? Неужели... мне сегодня повезло?» – стучало в висках.

Собравшись куда быстрее вечно копошащейся сестры, Алёна, уже в сухих брюках и свитере, подошла ко входной двери. От волнения и предвкушения тяжело было стоять на месте, так что девочка непрерывно переминалась с ноги на ногу, словно перед стартом.

«Неужели? Неужели это правда?»

2

Еще недавно серый и скучный день вмиг превратился в «самый лучший день на свете». Еще бы! Ведь до этого не помогали ни упрасивания, ни клятвенные заверения «учиться на одни пятерки». И вот без лишних слов Алёнку отвезут в секцию верховой езды вместе со старшей сестрой!

– Надень рейтузы, дочка, к вечеру заморозки обещают – окоченеешь в два счета! И майку с кофтой.

– Но мам, – попыталась возразить Алёна, с ужасом припоминая синие капроновые рейтузы, хранящиеся на самом дне шкафа. Как же она их не любила! – Веру ты так не кутаешь!

– Не сравнивай, – строго сказала мама. – Ты у нас болезненная и продуваемая. А Верочка – спортсменка, у нее здоровье крепче, она закалённая. Давай не капризничай, одевайся.

Алёне ничего не оставалось, как послушаться. Колючие рейтузы неприятно стягивали кожу и вызывали мурашки. Потом еще майку, кофту с высоким воротом, подаренную тетей из Ленинграда. Наконец, раздраженная и напоминающая неуклюжий шар, Алёна была объявлена мамой готовой к выходу.

Путь, как и ожидалось, оказался неблизким – сначала несколько душных остановок в переполненном автобусе, потом пересадка на пригородную электричку. Да еще и погода

выдалась ужасная. Холодный осенний дождь лил не переставая с самого утра. От ветра зонты выгибались и хлопали. Ох и зачем мама так ее укутала? Эти дурацкие непромокаемые рейтузы, и теплая кофта с тугим воротом, что дышать было трудно, и сверху еще плащ-дождевик, пахнувший резиной и сыростью... «Завернули, словно капусту, в двадцать нелепых, негнущихся одежек».

Да, именно так Алёна себя и ощущала в тот день – кругленькая неповоротливая капуста на двух ватных ножках. Со стороны можно было подумать, что им предстояло не проехать пару станций на электричке, а отправиться напрямик на Северный полюс, в самую лютую стужу, на встречу к белым медведям.

Веру, стройную и подтянутую, мама и не думала так укутывать. Под легким дождевиком и нарядной курткой на ней была ее обычная, щегольская, почти что парадная форма для верховой езды – безупречно сидящие темно-синие бриджи, белая рубашка и начищенные до блеска сапожки. Вера тренировалась в секции всего ничего, но мама вечно ее нахваливала: «Верочка, у тебя так осанка выправилась! Ходишь теперь как на подиуме, не хуже, чем заграничные манекенщицы!» А та, наслушавшись, задирала нос.

На самом деле Алёну это задевало за живое. Особенно с тех пор, как Верку записали на конный спорт, а ее нет. Но слезы Алёнка сдерживала. Она же не плакса какая-нибудь. Мама, правда, не помогала:

«Забудь ты пока про лошадей, солнышко. Слишком маленькая ты еще – и ростом не вышла, и по возрасту не подходишь. Тебя в такую серьезную секцию просто не возьмут, там правила строгие, – твердила мама ласково, но настойчиво, глядя дочку по голове. – Зато рисование как хорошо идет!»

Бабушка и папа, во всем полагаясь на мамину житейскую мудрость, ей вторили.

Алёна соглашалась, но сама не переставала мечтать о лошадках. Их гордые прекрасные силуэты танцевали перед глазами даже на уроках математики. Так что Алёна рисовала, вырезала с ними картинки из старых журналов «Огонек» и «Ровесник» и завела специальную тетрадку для рисунков и коллажей.

Наконец Алёна отстала от родителей. Девочка исправно ходила в изостудию, но надежда попасть на конюшню не угасала. Родители выдохнули, и в семье воцарился мир.

«Пройдет время, я подрасту и опять попрошусь. Хотя бы одним глазком посмотреть на этих великолепных лошадок».

И, похоже, время действительно пришло. Раз уж мама сегодня смягчилась и дала свое высочайшее позволение, кто знает, может, чудо случится и Алёне удастся не только посмотреть.

«А вдруг она и меня решила записать?»

О, мысль была до того головокружительной, что дух захватывало! У Алёны заколотилось сердце и перехватило дыхание.

Так что укутанная с ног до головы «капусточка» Алёна всю дорогу сияла и подпрыгивала от счастья. Радовалась она и на залитом дождем перроне, высматривая огонек приближающейся электрички, и в самой электричке.

Плюхнувшись на холодную деревянную скамейку, сестренки Серовы удивили маму своим поведением. Обычно шумная непоседа Алёна прилипла к стеклу и тихонько, как мантру, отсчитывала минуты и остановки. Хмурая сонная Вера, устроившись у запотевшего окна, тут же безучастно засопела. Посторонний ни за что бы не понял, кто ехал на долгожданное занятие, а кто был просто вынужденной спутницей.

Дальнейшая дорога до конюшни слилась в одно смутное воспоминание: бесконечные лужи, брызги из-под колес автобуса, а еще свежие, будто бы только что оставленные следы подков на раскисшей глинистой земле. Стоило Алёне их увидеть, как сердце ее затрепетало еще сильнее, тело бросило в жар, а ладони похолодели. Впрочем, жарко ей могло быть и от теплого свитера под прорезиненным плащом.

Потом проходная, пропуска, которые мама достала из сумочки, и испытующий взгляд пожилого вахтера. Мама ушла с Верой к тренеру, чтобы договориться о чем-то, а Алёне велели ждать у раздевалки. Стоять в душном помещении оказалось сложно, но было на что посмотреть. Расстегнув плащ и оттянув ворот кофты, Алёна прищурилась: света было мало.

Теплый, густой, сладковато-пряный запах лошадей, промасленных деревянных перегородок, свежего сена и поношенной кожи ударил в нос после холодного, влажного уличного воздуха.

«Интересно, я смогу уговорить маму погулять здесь?»

Мама вскоре вернулась. Когда она зашла в помещение, то поморщилась, будто унюхала аммиак. Алёна лишь удивилась: она, забыв обо всем на свете, лишь глубже вдыхала этот аромат. Так пахла мечта.

– Кошмар какой, здесь же просто нечем дышать! – проворчала мама, судорожно доставая из кармана носовой платок. – Ты как, Алён? Не болит голова? Может, выйдем на воздух?

Но девочка замотала головой. Она не отрывала завороченного взгляда от бесконечного ряда деревянных денников⁴ с массивными решетчатыми дверцами.

– Мам, а Вера на занятии, да? А давай посмотрим?

Не в силах сдерживаться, Алёна шагнула в полумрак конюшни. Она успела разглядеть за решетками темные крупы, услышала добродушное фырканье.

– Мы же не зря так долго и неудобно ехали? – ласково попросила Алёна.

– Нам далеко ходить не разрешили, – уже строго, понизив голос, сказала мама, крепко, почти болезненно сжимая ее тонкие пальцы в своей руке. – Пойдем на манеж, где за-

⁴ Денник – это стойло в конюшне для одной лошади. – Прим. ред.

нятия.

– Ну, пять секундочек.

Алёна взмолилась и обратила на маму самый милый взгляд. Мама колебалась, но все же сдалась. Видимо, идеальное поведение девочек в поездке подкупило.

– Ладно. Пять минут посмотрим и пойдем. Договорились?

Алёна кивнула. Она осторожно, почти на цыпочках, подошла к первой низкой арке, отделявшей коридор от основного помещения конюшни, и, прищурившись, старалась разглядеть хоть что-то в загадочном полумраке.

– Алён, там... – снова начала мама, но в этот самый момент из-за угла прямо на них плавно и величаво вышла лошадь.

Не одна, конечно. Ее вели под уздцы, но в тот момент Алёне показалось, что лошадка появилась из ниоткуда. Девочка даже оторопела. Внезапный звук тяжелых гулких шагов отразился от стен. Лошадь застыла на месте, с интересом уставилась на неожиданное препятствие. Алёна с открытым ртом пялилась на высокую вороную кобылу.

– Не стой на пути, – грубо окликнул кто-то Алёну, и та наконец поняла, что лошадь вовсе не одна, ее вела под уздцы незнакомая женщина-тренер в потрепанной рабочей куртке и грубых сапогах.

Алёна даже не успела сдвинуться с места, мама резко подхватила ее под мышки и довольно грубо оттащила с пути, бросив смущенное «извините, пожалуйста!». А потом, не

слушая возражений, вытолкала растерянную Алёнку обратно на улицу. Там, под холодными колючими струями осеннего дождя, рассеялись последние остатки магии.

– Ничего себе, вот это громадина! – пробормотала мама, брезгливо отряхивая свое пальто от капель грязной воды. – И ты всерьез, Алёна, собралась когда-нибудь садиться на такую махину? Да тебе стремянка понадобится, чтобы просто в это седло залезть! А еще и управиться надо. Нет, это не для маленькой девочки. Пойдем на манеж к Вере...

– Ну я же еще вырасту! – насупилась Алёна. Слова мамы больно резанули. – И всему научусь, как Вера! Она ведь тоже не с неба на лошадь свалилась, ее тренировали!

Мама ничего не ответила на это, а лишь раздраженно покачала головой и, взяв Алёну за руку, решительно повела ее подальше от конюшни, по скользкой мокрой асфальтовой дорожке, ведущей ко входу на небольшой крытый манеж. Алёне оставалось лишь проводить прощальным взглядом высокие двустворчатые двери конюшни.

«...Ничего, однажды все получится».

Наконец, мама привела Алёну к небольшому зданию крытого манежа, где шли занятия. Широкие ворота на манеж оказались открыты, и Алёна отлично видела утрамбованный темно-коричневый песок арены и слышала четкие команды тренера. Вера уже была в седле, среди других девочек. Таких же сосредоточенных и серьезных.

Сидела она как-то странно, зажато. Будто деревянная.

«Должно быть, – подумала Алёна, – сестра так настраивается». Вместо того чтобы выбрать место поближе к арене, мама отвела Алёнку на самый верх трибун. Мол, так ей видно лучше. Алёнка же, наоборот, плохо видела учениц с этой «галерки». В основном приходилось любоваться спинами в темно-синих куртках и одинаковых защитных шлемах. Алёна едва различала слова тренера, который что-то громко объяснял, стоя в самом центре манежа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.